

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИКИ КРАСНОГО ТЕРРОРА ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ И ВЕРУЮЩИМ В УЕЗДАХ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1919 ГГ.

П.Ю. СУББОТИН

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

В основу статьи вошел эмпирический материал, характеризующий формирование чрезвычайных органов и осуществление политики красного террора в уездах Курской губернии. Впервые вводимые в научный оборот показания участников и очевидцев событий раскрывают репрессивные меры в отношении духовенства и верующих, церквей, монастырей и духовных учебных заведений. В статье представлены новые материалы об аресте и гибели белгородского епископа Никодима (Кононова) и благочинного протоиерея Порфирия (Амфитеатрова).

Ключевые слова: красный террор, гражданская война, репрессии, реквизиции, экспроприация, Русская православная церковь, чрезвычайная комиссия.

История гражданской войны в России сохраняет устойчивый общественный и научный интерес, что связано с переосмыслением советского наследия и введением в научный оборот новых исторических источников, ранее недоступных для исследователей. Красный террор как система репрессивных мер государства против своего населения – неотъемлемая часть гражданского противостояния в России, а террор в отношении духовенства и верующих – одна из самых трагических страниц в истории Русской Церкви. В этой связи в статье предпринята попытка охарактеризовать формы и методы политики красного террора по отношению к духовенству и верующим на территории уездных центров Курской губернии.

Исследований, посвященных церковно-исторической проблематике периода гражданской войны на территории Курской губернии, немного. К наиболее значительным, с нашей точки зрения, следует отнести научные работы С.Н. Емельянова¹. Однако, они в большей степени посвящены процессам в губернском центре региона. Вместе с тем, в связи с необходимостью ввода в научный оборот обнаруженных в центральных и региональных архивах новых данных, автор данной статьи сосредотачивает главное внимание на уездных городах Курской губернии, таких как Белгород, Грайворон, Короча, Обоянь, Старый Оскол, Тим и Щигры. Поскольку самые значительные по своему размаху и жестокости события происходили в городе Белгороде, то он взят в качестве наиболее типичного примера при изложении материала.

Одной из особенностей осуществления политики красного террора на местах можно считать тот факт, что силовые методы в отношении гражданского населения применялись как государственными органами в лице исполнительных комитетов местных советов рабочих и солдатских депутатов (исполкомов) всех уровней, так и особыми органами в лице чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК). Советская власть сознательно санкционировала не только создание таких структур, но и силовые методы в их деятельности, что при отсутствии надлежащего контроля приводило к особо жестоким формам террора, вплоть до правового беспредела. Часто судьба верующих и духовенства напрямую зависела от личных

¹ Емельянов С.Н. Власть и церковь. Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. Курск, 2001; Емельянов С.Н. Попытки модернизации органов церковного управления Русской православной церкви в условиях религиозной политики государственных органов власти в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.): комплексно-исторический анализ. Курск, 2002.

предпочтений местных властей. В этом отношении в качестве самого одиозного примера может быть представлено белгородское руководство уездного исполкома и ЧК.

На территории Белгорода и близлежащих мест в полной мере красный террор развернулся с декабря 1918 по июнь 1919 гг. Еще до вступления частей Красной армии в Белгород, члены президиума белгородского уисполкома Л.А. Меранвиль² и П.П. Соколов телеграфировали во ВЦИК о готовности после занятия города организовать военно-революционный комитет в составе десяти человек и чрезвычайную комиссию в составе шести человек³. Таким образом, белгородская ЧК по своему значению была приравнена к военревкому, став вторым властным органом в Белгороде и уезде. При занятии Белгорода 7 декабря 1918 г. (по ст.ст.) частями Красной армии главные властные функции сосредоточились в руках военно-революционного комитета под руководством Л.А. Меранвиля. Карательные функции были распределены между уездной ЧК, уездной милицией и комендатурой – уездная ЧК возглавлялась М.А. Васильевым, а уездная милиция и городская комендатура – В.А. Саенко и С.А. Саенко соответственно⁴.

С приходом большевиков в Белгороде началась «конфискация» имущества бежавших горожан и ряда учреждений. На деле конфискация выливалась в грабежи, т.к. зачастую реквизируемое имущество переходило в личное пользование конфискующих. Были подвергнуты разграблению дома зажиточных горожан Болдырева, Бочарова, Васильева, Голева, Котляровых, Кудрявцевых, Курбатова, Одинцова, два дома Мачуриных, квартира графини Доррер, женское епархиальное училище, духовное училище, семинария и т.д.⁵ Под видом поиска оружия у оставшихся в городе граждан осуществлялся обыск в домовладениях с последующим изъятием всех ценных бумаг и вещей. Кроме того, производилось «уплотнение» ряда городских домов и квартир – жилые помещения занимались семьями большевиков, в то время как хозяевам в лучшем случае оставляли одну комнату. Были вскрыты и опустошены казны, шкафы и сейфы учебных заведений, торговых лавок и церквей. Протоиерей белгородской Успенско-Михайловской церкви о. Михаил (Свечников) свидетельствовал: «Имущество Епархиального училища, Духовного училища и семинарии почти все расхищено, здание опустошено, а сироты, воспитывавшиеся на казенные средства были лишены всякого содержания»⁶. Свято-Троицкий мужской монастырь подвергался разграблению несколько раз. Сначала отряд красноармейцев во главе с Бычковым наложил на наместника монастыря контрибуцию в размере 500 руб., затем отряд во главе с Цыбаненко вынес из обители имущества на сумму около 200 000 руб., через несколько дней отряд во главе с Шелиховым унес банковских бумаг на 6 000 руб. и ценные богослужебные предметы – золотую ризу с иконы Св. Николая, золотой нагрудный крест и золотой напестольный крест. В Белгородском женском Рождество-Богородицком монастыре было реквизировано 151 400 руб., 5 000 пудов дубовых досок и в монастырском лесу за городом вырублено 3 десятины строевого леса⁷. Кроме того, во время пребывания большевиков в городе ими регулярно изымались все денежные пожертвования верующих из т.н. свечных и денежных ящиков городских церквей и монастырей.

Исходя из идеологических установок партии большевиков на непримиримую борьбу с церковью, на местах реализация этих положений выливалась в беспрецедентный до этого рост насилия и антицерковной пропаганды, вплоть до прямого

² Меранвиль де Сент-Клер Леонид Александрович – уроженец г. Белгорода, юрист, активный участник революционных событий, председатель белгородского военно-революционного комитета, затем уездного исполнительного комитета. Меньшевик-интернационалист, с декабря 1918 г. большевик. С 1921 г. работал в Москве. Репрессирован и расстрелян в 1938 г.

³ Центр документации новейшей истории Белгородской области. Ф. 2080. Оп. 2. Д. 11. (Б-1а).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 74.

⁶ Там же. Орфография документа здесь и далее сохранена.

⁷ Там же. Л. 32-35.

глумления и издевательств над духовенством и верующими. Если в губернском Курске на митингах агитаторы напрямую призывали «перерезать» духовенство, то на белгородских митингах говорилось, что церкви нужно разрушить или обратить в театры, духовенство – уничтожить, а мощи Св. Иоасафа зарыть в землю. Комиссар Костюков заявил, что дал двум своим собакам клички «Поп» и «Архиерей». На железнодорожном вокзале Белгорода и в общественных местах города были вывешены плакаты с грубыми выпадами в адрес духовенства⁸. Монашествующие мужского монастыря были привлечены к наиболее грязной и неоплачиваемой работе: «Ненастная погода и лютой холод не избавляли монахов наших от тяжелой работы по очистке заносов, улиц, очистке клозетов, рытью зимой в стужу в поле окопов и др. тяжелых работ. На работе наблюдала за монахами стража из большевиков, причем все время глумилась»⁹. Отправка монашествующих на общественные работы организовывалась самим председателем уездной ЧК М.А. Васильевым и была обязательна для всех. «Освобождений никаких быть не может. Если же кто из упомянутых в списке окажется больным, то Вы таковых должны заменить более здоровыми. За неисполнение вышеизложенного Вы немедленно будете арестованы», – сообщал он наместнику монастыря¹⁰.

Помимо грабежей и антирелигиозных выступлений развернулся террор и в отношении самого духовенства. В Белгороде священство и монашествующие занимали особое положение – город был средоточием множества церквей, мужского и женского монастырей, духовного училища и женского епархиального училища, местом паломничества к мощам прославленного в 1911 г. в лике святых святителя Иоасафа (Горленко). Здесь располагалась древняя епископская кафедра, викарием епископом которой с 1913 г. был преосвященный Никодим (Кононов), а благочинным с 1915 г. – протоиерей белгородского Успенско-Николаевского собора о. Порфирий (Амфитеатров).

Епископ Никодим регулярно, как до, так и после прихода большевиков, проносил обличительные проповеди против насилия и грабежа, чем раздражал и без того враждебно настроенных революционеров. Наместник Свято-Троицкого мужского монастыря о. Митрофан (Худошин) вспоминал: «Большевикам содержание проповедей Еп. Никодима не нравилось и не раз они угрожали Епископу, что примут в отношении его самые крутые меры, если он будет затрагивать в своих проповедях большевиков и критиковать их действия»¹¹. Осуждали в своих проповедях насилие и грабежи, развязанные новой властью, и настоятели белгородских церквей, в том числе о. Порфирий (Амфитеатров), о. Яков (Тимофеев) и другие. Опасаясь нравственного влияния священников на паству, большевики стремились контролировать содержание проповедей. В этой связи они всячески поощряли любую негативную информацию о служителях церкви. Участились случаи доносов на духовенство, в том числе ложных и непроверенных. Так, о. Димитрий (Софронов) спросил престарелую женщину, мешавшую богослужению посторонними разговорами: «нет ли у тебя, бабушка, больших грехов?», на что та дала отрицательный ответ и ушла. Позже оказалось, что два её сына были большевиками и сам вопрос священника она поняла как «нет ли у тебя, бабушка, большевиков?». В итоге о. Димитрий был арестован, избит плетью, три месяца просидел в тюрьме и лишь накануне прихода денкинцев был освобожден из-под стражи¹². Священник одной из церквей Белгородского уезда о. Василий (Фирсов) был вынужден бежать от преследования большевиков. Он поселился в Белгороде, где по доносу в «несочувствии» к советской власти был арестован и заключен в тюрьму на три месяца.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 74.

⁹ Там же. Л. 32-35.

¹⁰ Там же. Л. 32-35.

¹¹ Там же. Л. 32-35.

¹² Там же. Л. 14-15.

За полгода вторичного пребывания большевиков в Белгороде¹³ в разное время по различным поводам кроме уже упомянутых епископа Никодима и о. Порфирия, о. Якова, о. Димитрия и о. Василия арестовывались: настоятель белгородского мужского монастыря о. Митрофан, казначей монастыря о. Даниил, ризничий монастыря о. Неофит, благочинный монастыря о. Серафим, священник с. Старое Городище о. Николай (Попов), священник с. Пристени о. Михаил (Ковалевский), священник белгородского женского монастыря о. Николай (Васютин), бывший законоучитель духовного училища о. Владимир (Лимаров), псаломщики кладбищенской Николаевской церкви Дмитрий Вахнин и Петропавловской церкви Никанор Уколов¹⁴. При приближении добровольческой армии Деникина в заложники были взяты и отправлены в Курск белгородские священники о. Петр (Сионский), о. Василий (Солодовников), иеромонахи Серафим (Кретов), Лаврентий (Грек)¹⁵ и Дорофей (Зумков). Позднее о. Петр, о. Василий и иеромонах Серафим были расстреляны в Курске в числе прочих белгородских заложников¹⁶.

Террор осуществлялся не только в Белгороде. В сл. Томаровке Белгородского уезда был убит о. Александр (Солнцев), в с. Мясоедово – протоиерей Константин (Ничкевич), в с. Крюково – о. Владимир (Касьянов). В Грайворонском уезде были убиты протоиерей Феодор (Андриевский) и о. Виталий (Крутиков), а на всех священников Бутовской волости наложена контрибуция. В Корочанском уезде убит благочинный 7 округа протоиерей Иоанн (Авдиев)¹⁷. В том же Корочанском уезде с осени 1918 г. по весну 1919 г. включительно арестовывались священники сел Лески, Призначного, Радьковки, Холодного и ряда других¹⁸. Из Старого Оскола в заложники были взяты о. Василий (Иванов) и диакон Георгий Оболенский¹⁹. В Щигровском уезде священнослужителей заключали в тюрьму за оглашение послания патриарха Тихона, выпуская их за выкуп от 500 до 1 000 рублей. Были арестованы и отправлены в тюрьму о. Родионов из с. Красного, о. Мальцев из с. Гремячки, о. Мячин из с. Богородицкого. Щигровский протоиерей о. Иоанн (Васильев) арестовывался четырежды и вместе с диаконом Черняевым был послан на уборку улиц. В качестве заложника из с. Николаевка того же уезда был взят о. Арбузов²⁰. В Обояни протоиерей соборной церкви Четвериков избежал расстрела, так как сумел скрыться²¹. Террор коснулся не только священнослужителей, но и рядовых верующих. В с. Подгородище Тимского уезда волостной сход отверг требование властей обратить имущество церкви в народное достояние, после чего было арестовано 18 человек (включая священника). Все арестованные были избиты и доставлены в волостной центр, где их подвергли издевательствам и насмешкам. После этого церковный староста, псаломщик и три крестьянина, выступавшие на сходе, были выведены в поле за церковь и днем публично расстреляны²².

Всего за несколько месяцев (осень 1918 – лето 1919 гг.) по неполным данным на территории Курской губернии было убито около 20 священнослужителей²³. При этом наибольшую известность приобрел факт расправы над белгородским епископом Никодимом (Кононовым), а также начальницей белгородской женской гимназии Марией Дмитриевной Кияновской (женой законоучителя мужской гимназии

¹³ В ходе наступления войск генерала А.И. Деникина на Москву летом 1919 г. Добровольческая армия 11 июня освободила Новый Оскол, 24 июня Белгород, 7 августа Грайворон, 19 августа Обоянь и 20 сентября – Курск. В конце ноября – начале декабря эти территории вновь были заняты Красной армией.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Лл. 74-75.

¹⁵ Возможное прочтение фамилии – Вик.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 113.

¹⁷ Там же. Л. 21, 114.

¹⁸ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 699. Л. 152.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 114.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 183. Лл. 20-28.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 182. Лл. 33-40.

²² ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 185. Л. 24.

²³ Там же. Л. 25.

о. Василия) и протоиереем белгородского Успенско-Николаевского собора о. Порфирием (Амфитеатровым) в декабре 1918 г. – январе 1919 г.

В настоящее время в исторической и церковно-краеведческой литературе существует несколько версий расстрела белгородского епископа Никодима (Кононова) и исследователи не пришли к единому мнению по отдельным эпизодам его гибели. Автор статьи на основе изученных архивных документов считает необходимым внести ряд уточнений в существующие версии.

25 декабря 1918 г.²⁴ по ст.ст. в час дня в мужском монастыре белгородский комендант С.А. Саенко арестовал еп. Никодима. В четыре часа того же дня он привез его обратно, пообедал вместе с ним и ушел. Вечером владыка отслужил всенощную и в конце богослужения произнес проповедь, где в очередной раз критиковал большевиков. Присутствовавший инкогнито на богослужении С.А. Саенко послал в пономарню двух солдат, которые передали ризничему монастыря иеромонаху Неофиту требование к епископу выйти из алтаря и явиться для допроса в ЧК²⁵. Епископ подчинился и был уведен теми же солдатами. К 9-ти часам утра следующего (26 декабря по ст.ст.) дня он был приведен начальником тюрьмы Воликом и секретарем ЧК Шапиро в арестный дом, где его заключили в камеру. К этому времени новость об аресте епископа стала известна верующим. У женского монастыря, где в то утро должен был служить владыка, начал собираться народ. Верующие надеялись, что если они попросят за епископа «всем миром», то его отпустят. Преподавательницы женской гимназии убедили свою начальницу Марию Дмитриевну Кияновскую выступить в качестве «представителя от народа» с просьбой о помиловании епископа. Кияновская и часть верующих направились к зданию ревкома, остальная, значительно большая часть собравшихся, двинулась к арестному дому²⁶. Увидев перед зданием ревкома протестующих, председатель исполкома Л.А. Меранвиль и С.А. Саенко вызвали солдат и не выходили к людям до их прибытия. Солдаты прибыли, здание было оцеплено, на толпу нацелили пулеметы. Появились Меранвиль и Саенко. Кияновская просила освободить епископа, но ее не только не слушали, но и обвинили в контрреволюционных настроениях. По свидетельству очевидцев, Саенко кричал: «Явная преступница! За буржуя стоишь!»²⁷. В толпе появились агенты ЧК, которые арестовали Кияновскую, священника Преображенской церкви о. Владимира (Лимарева) и ряд других лиц.

На другом конце города толпа жителей в несколько сотен человек подошла к арестному дому, требуя отпустить епископа. Явился начальник тюрьмы Волик и, стреляя из револьвера, пытался разогнать толпу. Люди расходиться отказывались и настаивали на освобождении епископа. Тогда Волик вызвал несколько десятков вооруженных солдат и, продолжая стрелять в воздух, разогнал толпу при их помощи. Разогнав протестующих, большевики продолжили аресты священников и монашествующих. По указанию Меранвиля в мужской монастырь явились С.А. Саенко и В.А. Саенко. Обвинив монахов в провоцировании народного волнения, комендант приказал начальнику милиции арестовать настоятеля о. Митрофана, казначея о. Даниила, благочинного о. Серафима и ризничего о. Неофита, после чего тот отвел их в комендатуру. Там их снова встретил С.А. Саенко со словами: «Через вас попов да монахов вся революция пропала, я вас всех перережу или постреляю»²⁸. В 5 часов ве-

²⁴ Утверждение ряда авторов, что еп. Никодим был арестован в ночь на 1 января 1918 г. противоречит хронологии событий – владыка был арестован после освобождения Белгорода от немецко-гайдамацких войск и своей поездки в Киев, что произошло в 1918 г. Таким образом, датой гибели еп. Никодима следует считать ночь с 26 на 27-е декабря 1918 г. по старому стилю, что по новому стилю – ночь с 7 на 8-е января (второй день праздника Рождества Христова) 1919 г.

²⁵ Белгородская ЧК занимала угловое здание бывш. Самойлова (аптека Когана и офицерский клуб) на перекрестке Старо-Московской и императора Николая улиц. Сейчас на этом месте стоит здание областного статистического бюро и переговорного пункта.

²⁶ Арестный дом – тюрьма предварительного заключения, располагалась в г. Белгороде неподалеку от городской земской больницы.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 14-15.

²⁸ Там же. Л. 30-31.

чера в комендатуру был приведен и о. Порфирий (Амфитеатров). Мария Дмитриевна Кияновская была выведена на пожарный двор, где С.А. Саенко лично ее застрелил. Труп учительницы раздели и ограбили, отобрав все украшения и личные вещи. В 9 часов вечера в арестный дом прибыли секретарь ЧК Шапиро с начальником тюрьмы Воликом и под конвоем увели еп. Никодима в ЧК. Для того, чтобы изменить внешность архиерея, у него отобрали монашеское одеяние и епископский крест, остригли ему бороду, переодели в длиннополую светлую солдатскую шинель и студенческую фуражку. В этом виде его привезли ночью в тюрьму²⁹, где В.А. Саенко, М.А. Васильев и С. Набоков тремя залпами расстреляли владыку около тюремной кухни и там же закопали. Таким образом, к утру 27-го декабря 1918 г. (по ст.ст.) епископ Никодим и Мария Кияновская были расстреляны, а руководство монастыря и благочинный о. Порфирий – арестованы.

Арест белгородского благочинного протоиерея Успенско-Николаевского собора о. Порфирия (Амфитеатрова) был обусловлен не столько волнениями жителей (в связи с арестом еп. Никодима), сколько личной позицией священника. В своих проповедях он открыто порицал политику насилия и грабежей, вызывая нарастающее раздражение большевиков в свой адрес. Непосредственной причиной для ареста послужило противодействие о. Порфирия реализации в Белгороде советского декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В декабре 1918 г. председатель уездного исполкома Л.А. Меранвиль собрал учительский персонал города и объявил об упразднении преподавания в учебных заведениях Закона Божия. Присутствующий на собрании о. Порфирий выступил с речью и спросил у Меранвиля, на каком основании православная религия стала вдруг гонимой, почему в учебных заведениях Закон Божий заменяют танцами, а по городу развешиваются плакаты, где в самых грубых красках выставляются «царь, поп и кулак». Меранвиль ответил, что «на такие вопросы ответ дается у стенки»³⁰.

Через несколько дней последовал арест протоиерея, который сначала содержался в здании уездной ЧК, а потом был переведен в арестный дом. Там его посетил секретарь ЧК Шапиро и пригрозил расстрелом. Священник начал усиленно молиться, исповедовался у заключенного в той же камере о. Якова (Тимофеева) и стал спокойно ожидать казни. Единственное, что беспокоило протоиерея, по его же признанию, так это судьба его семьи, остающейся без кормильца. Вечером о. Порфирий был на санях увезен в тюрьму в сопровождении большевика-матроса. Там его привели на хозяйственный двор тюрьмы, заставили раздеться и поставили у края предварительно приготовленной ямы. По свидетельству документов, пока о. Порфирий раздевался, матрос обратился к нему с вопросом «Ты веруешь в Бога?», после чего, разразившись матерной бранью, ударил протоиерея ногой. Расстрельная команда под командованием матроса состояла из пришедших вместе с ним солдат и тюремной охраны. Присутствовавший при расстреле сотрудник тюрьмы впоследствии вспоминал: «Священник, стоя лицом к стрелявшим в него, усиленно молился Богу и непрерывно крестился. Первым залпом священник был ранен, но не упал. Продолжая стоять, он не переставал молиться. После второго залпа, священник застонал, вскрикнул «Господи» и снова перекрестился. Последовал третий залп, а за ним четвертый, после которого священник зашатался и со стоном свалился в яму»³¹.

Опасаясь нового всплеска волнений среди верующих, белгородские большевики пытались скрыть от них расстрел еп. Никодима и о. Порфирия. Жителям было объявлено, что епископ и священник увезены в Харьков. Только по прошествии полутора месяцев в харьковской газете «Известия временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета Рабочих депутатов» за № 54 от 26 февраля 1919 г. была опубликована телеграмма из Белгорода, где сообщалось: «Местные попы во гла-

²⁹ Здание старой белгородской тюрьмы сейчас занимает городской следственный изолятор.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 43.

³¹ Там же. Л. 8-10.

ве с архиереем Никодимом повели среди крестьян злостную агитацию против советской власти. Уличенные в черносотенной агитации, архиерей Никодим и один из попов были по приказу Военно-Революционного Комитета разстреляны»³². В конце февраля 1919 г. тело еп. Никодима по приказу белгородского комиссара внутренних дел Ф.Я. Славгородского было перенесено и зарыто в общей могиле с северной стороны ограды городского кладбища. Холм над этой могилой всю весну и лето был украшен жителями цветами. После вступления летом 1919 г. Добровольческой армии в Белгород могила была вскрыта. Останки еп. Никодима были торжественно перезахоронены с северной стороны Свято-Троицкого собора мужского монастыря³³.

Анализ представленного в статье материала позволяет сделать следующие выводы. Политика органов советской власти на местах формировалась руководством советской республики. Однако, при отсутствии контроля за действиями непосредственных исполнителей на местах, эта политика скатывалась в правовой беспредел и приобретала особо жестокие формы. Установление советской власти в уездах Курской губернии ознаменовалось началом массовых реквизиций, арестов, взятия заложников и расстрелов. Всего на территории Курской губернии было убито около 20 наиболее уважаемых среди верующих священнослужителей. Самыми известными жертвами террора стали белгородские епископ Никодим (Кононов) и протоиерей о. Порфирий (Амфитеатров). Поводом для их ареста и расстрела стало принципиальное неприятие и осуждение ими проводимой большевиками политики грабежа и насилия. Учитывая большой нравственный авторитет священнослужителей среди населения, большевики применили к ним все формы террора, устранив тем самым остальных.

REALIZATION OF THE POLICY OF RED TERROR IN RELATION TO ORTHODOX CLERGY AND BELIEVERS IN DISTRICTS OF KURSK PROVINCE IN 1918–1919

P.Yu. SUBBOTIN

Belgorod State University

e-mail: subbotin@bsu.edu.ru

The author gives periodization of red terror in the city of Belgorod of Kursk province. The basic state structures which were carrying out terror, as well as the main forms and methods of intimidation of the civil population are analyzed. Repressive measures concerning clergy and believers, churches, monasteries and spiritual educational institutions are described. New materials on arrest and execution of the Belgorod bishop Nikodim (Kononov) and district archpriest Porfiriy (Amfiteatrov) are presented.

Key words: red terror, civil war, reprisals, requisitions, expropriation, Russian Orthodox church, extraordinary commission.

³² Поповская агитация // Известия временного рабоче-крестьянского правительства Украины и Харьковского Совета Рабочих депутатов. 1919. 26 февраля. № 54.

³³ Круленков А.Н. Белгородский некрополь // Подъем. 2003. № 2.